Ольга Касымова

Лес и сад в русской языковой каптине мира

Przegląd Wschodnioeuropejski 2, 465-470

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

PRZEGLĄD WSCHODNIOEUROPEJSKI 2 2011: 465–470

Ольга Касымова
Башкирский государственный университет, Уфа

ЛЕС И САД В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Духовный мир наших предков был неотделим от окружающей природы. Издавна славянский народ жил на лесной территории и вел свое садовое хозяйство. Лес всегда играл важную роль в жизни русского крестьянства, являясь средой его обитания и источником разнообразных занятий. А сад был изначально неотделим для людей от дома, ведь первые люди, по христианским представлениям, жили в Раю, райском саду, который был для них и домом, и садом. Д. С. Лихачев писал:

> Первооснова и образец всех садов, согласно христианским представлением, – Рай, сад, насажденный Богом, безгрешный, святой, обильный всем, что необходимо человеку, со всеми видами деревьев, растений, и населенный мирно живущими друг с другом зверями[1].

В. Н. Топоров считал, что *ветхий дом* и *дикий сад* являются символами утраченного счастья в русской поэзии:

> «образ дома и сада [...] был усвоен следующим поколением, став важным элементом поэтического языка, несущим глубокий смысл…»[2].

Дерево, по мнению М. М. Маковского, в древности считалось вместилищем душ или духов (как гора или вода), соотносилось с такими значениями, как «музыка, гармония, порядок», «чудо, волшебство», «время», «жизнь», «смерть», «огонь»[3]. Деревья в сознании людей не просто растения, они живой организм, вопреки грамматической закрепленности за ними категории неодушевленности.

---

[1] Д. С. Лихачев, *Концептосфера русского языка*, [в:] *Русская словесность: Антология*, Москва 1997, с. 478.

[2] В. Н. Топоров, *Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья (странички из истории русской поэзии)*, [в:] *Облик слова. Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева*, Москва 1997, с. 290–318.

[3] М. М. Маковский, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и мир образов,* Москва 1996, с. 135–141.

Сопоставление значения двух слов: *лес* и *сад* – помогает определить сходство и различие в их лексических значениях, а также в их способности служить лингвистическим знаком концептов, позволяет нам полнее, чем в толковом словаре, раскрыть оттенки и объем их значений и составить представление об этих явлениях, зафиксированных в языке.

Методы исследования концепта состоят, по мнению лингвистов, в анализе его структуры, включая ядерное значение (прототип) и периферию, а также парадигматические и синтагматические свойства:

> Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путем анализа парадигматических связей основной лексемы, особенностей ее употребления, а также путем изучения устойчивых единиц языка – фразеологизмов, пословиц, поговорок, составляющих интерпретационное поле[4].

Исследование значения слова с учетом его употребления – традиционный способ лексического анализа. Как отмечал Д. Н. Шмелев, сочетаемость лексемы как нельзя лучше характеризует концепт, если использовать сочетаемость в самом широком смысле слова,

> поскольку каждая единица имеет свою собственную сферу возможных для нее сочетаний с другими единицами того же уровня, или, иначе говоря, свои собственные позиционные ограничения в сочетаемости, эти ограничения могут служить характеристикой данной единицы[5].

Значение слова *лес* состоит из следующих вариантов: 1. *Основное значение.* Множество дикорастущих деревьев, расположенных на определенном пространстве: *возле деревни растет только хвойный Л.*; 2. *перен., метоним.* Слово *лес* употребляется в значении «строительный материал» - метонимический перенос: *на купленный участок уже привезли Л.*; 3. *перен. метаф.* употребление слова *лес* в значении количества (т.е. «много»): *Л. ошибок*; 4. *перен., метаф.* значение, при котором лес одушевляется и воспринимается как единый организм: *просыпается Л. весною, начинает петь и ликовать;* 5. *перен. метон.* Слово *лес* используется в значении «изображение леса»: *Л. на холсте.*

Такое варьирование значений слова *лес* является особенностью русской концептосферы. Концепт «лес» в русском национальном сознании опирается на образ леса как большой совокупности вертикальных

---

[4] Е. И. Шейгал, Е. С. Арчакова, *Тезаурусные связи и структура концепта*, [в:] *Язык, коммуникация и социальная среда, 2,* Воронеж 2002, с. 23–24.

[5] Д. Н. Шмелев, *Современный русский язык. Лексика*, Москва 1977, с. 12.

округлых в сечении предметов, находящихся на расстоянии друг от друга. Это значение модифицируется в сторону 1) концепта «много» и 2) концепта «существо, живой организм».

Значение лексемы *сад* представляется таким образом: 1. *Основное значение.* Множество плодовых деревьев, растущих на огражденной территории. В составе этого значения важными дифференцирующими семами являются «огражденные деревья» и «растущие близ дома». Сад является рукотворным, и поэтому в отличие от слова «лес» слово «сад» подразумевает наличие человека и его труда в своем значении: *у дома раскинулся С.* 2. *перен. метаф.*, в котором слово «сад» ассоциируется с живым организмом, чем сближается со словом «лес»: *стоокий весенний С.* (В. Луговской). 3. *перен., метоним.* «Изображение сада» также является отдельным значением (*сад на открытке*). 4. Фразеологизированное значение *детский сад,* в котором в результате метонимического переноса слово сад обозначает учреждение.

Онтологически близкие понятия обладают и близким ассоциативным полем, проявляющемся в способности вступать в словосочетания.

Прежде всего лес и сад ассоциируются с конкретными вещами, предметами, явлениями, имеющими материальную природу. Например: *Бледно-зеленые* ***ветрила*** *дворцовый распускает* ***сад*** (В. Набоков. «Ко мне, туманная Леила!»); *Покуда март гудит в* ***лесу*** *по голым* ***снастям ветвей*** (И. Бунин. «Змея»); *О* ***сад*** *ночной, таинственный* ***орган*** (Н. Заболоцкий. «Ночной сад»); *И встревоженный* ***лес****, как великий* ***орган,*** *На скрипящих корнях заиграл…* (К. Случевский. «Миф»).

Отдельно можно выделить устойчивую ассоциацию с покровом, тканью: ***Кружевеет,*** *розовеет утром* ***лес*** (И. Северянин. «Русская»); *И мелькал, рос, трепетал и сквозил на бело-фиолетовом небосклоне весь* ***сад*** *своими* ***кружевными*** *вершинами* (И. Бунин. «Суходол»)**;** *Не так ли/* ***Лес****/ Перед бедой/* ***Запахивает*** *полы/ широкого* ***пальто*** (А. Мариенгоф. «Сентябрь»); *Густые* ***шапки*** *деревьев общественного* ***сада*** (А. Куприн. «Погибшая сила»).

Последовательно реализуются ассоциации сада и леса с постройкой или постройками (городом): *Вот грустный* ***город-сад****, где много лет спустя еще увижусь я с тобой, неразлюбившим* (А. Ласкин. «Ангел, летящий на велосипеде»); *Дружная обособленность* ***лиственного леса*** *в хвойном бросилось мне в глаза… Расписным и золоченым* ***городом*** *стоял первый во втором* (Б. Пастернак. «Начало прозы 1936 года»).

Часто лес и сад сравниваются с живым организмом, сказочным существом, похожим на человека. Это представление леса как единого организма типично для народного сознания. Например, у народа коми тайга означала «парма» — единый живой организм. В народном

представлении лес испытывает человеческие чувства (*хандрит*), переживает физиологические состояния (*спит, дышит*). Такие же ассоциации имеются и у слова сад: *У **сада пахнет**/ Из усыхающего **рта**/ Крапивой, кровлей, тленьем, страхом* (Б. Пастернак. «Поверх барьеров. Три варианта»); ***Сады тошнит** от верст затишья* (Б. Пастернак. Там же); ***Бегущий лес пытается настичь** бегущие поля* (И. Бродский. «Неоконченный отрывок»); ***Стояли** русские **леса**,/ чуть-чуть подрагивая **телом.**/ Они глядели мне в глаза,/ как человек перед расстрелом* (А. Вознесенский. «Сон»).

Лес может выглядеть как животное или птица, часто сказочное: *Чудно было видеть **лес** сверху, его **щетинистую спину**, освещенную луной. Он казался каким-то огромным заснувшим **зверем*** (И.Тургенев. «Призраки»); *Черно-бурою **лисицею**/Под горой улегся **лес*** (Д. Кедрин. «Осенняя песня»); ***Лес** громоздился террасами, уходя вдали все выше и выше, им казалось, что у этого **страшного, зеленого чудовища** нет конца* (А.Чехов. «Встреча»). У слова *сад* таких ассоциативных словосочетаний не отмечено.

Особое место занимают ассоциации леса со стихиями огня и воздуха, которые, по нашему мнению, объединяются понятиями нестабильности, подвижности, диффузности и аморфности. Только при взгляде издалека ветки деревьев (голые, или же только начавшие покрываться листвой) кажутся человеческому глазу дымом, туманом, или маревом, так как из-за расстояния все сливается. Лес и сад на расстоянии для наблюдателя предстают также как аморфная масса, повторяющая рельеф местности. Вот примеры сравнения сада и леса с явлениями воздушной стихии: ***Сад** прозрачный, легкий, словно **дым*** (И. Бунин. «Ветви кедра – вышивки зеленым»); З*а нами **лесов** зацветающий **дым*** (Э. Багрицкий. «Смерть пионерки»).

Регулярно встречаются ассоциации с огнем, обусловленные в том числе и осенними, яркими листьями: *Скоро, скоро **зеленым пожаром**/ Запылают на солнце **сады*** (М. Исаковский. «Апрель в Смоленске»). *Роскошен **лес в огне осеннем*** (В. Брюсов. «Роскошен лес в огне осеннем»); *На солнце желтый **лес сверкает** в отдаленье, как ярким золотом пылающий костёр* (И. Бунин. «Затишье»).

Для сада нехарактерна ассоциация с водой, типичная для леса: *Над **поморьем лесов** облаков корабли* (Н. Клюев «Сердце единорога. Избяные песни»). Очевидно, в этом сказывается разница в масштабах между садом и лесом, отраженная в коллективном сознании.

Неожиданными и трудно объяснимыми являются ассоциации с абстрактными категориями (временем, жизнью, человечеством, мечтами, воспоминаниями). ***Жизнь** – **этот** пышный **сад**, пестреющий цветами* (С. Надсон. «Я не щадил себя: мучительным сомненьям...»); ***Жизнь – это***

лес** большой, Где заря красным всадником мчится* (С. Есенин. «Пугачев»); *Люди, братья мои люди… Все **мы** – **яблоки и вишни**/ Голубого **сада (С. Есенин. «Певущий зов»); ***Человеческое общество**, задуманное как сложный и дремучий архитектурный **лес**…*(О. Мандельштам. «Гуманизм и современность»); *Там люди заживо гниют –/ Ходячие гробы, Мужчины – сборище Иуд,/ А женщины – рабы./Нет, в **этот** вырубленный **лес**/Меня не заманят,/ Где были дубы до небес,/А нынче пни торчат!* (Н. Некрасов. «Русские женщины»). *Хлопоча об Амнистии,/ Кляня времена, как клянут сторожей,/ **стучатся опавшие годы, как листья,/ В садовую изгородь календарей*** (Б. Пастернак. «Душа»); *Вы **деньки** мои – голуби белые,/ А **часы** – запоздалые зяблики,/ Вы почто отлетать собираетесь,/ **Оставляете сад мой пустынею**…* (Н. Клюев. «Вы деньки мои – голуби белые»).

Сад и лес сравниваются также с миром, вселенной, мирозданием: ***Мир** как **сад**,/ Цветет, надев могильный свой наряд* (М. Лермонтов. «Блистая, пробегают облака»); *Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил **сад** свой, и взошло все, что могло взойти, но взращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным* (Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»); *Этот **лес** составляли **все вещи на свете** – облака, городские вывески, и шары на пожарных каланчах, и* [...] *витрины магазинов… и недосягаемое высокое ночное небо со звездами, Боженькой и святыми* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); ***Эпоха** лежит, как полуночный **лес*** (В. Луговской. «Мертвый хватает живого»).

Ассоциации с ментальной деятельностью свойственны только концепту «лес». Данный тип встречается редко, ассоциации передают трудно уловимое и еще более трудно объяснимое сходство двух явлений – материального и идеального: *Мои **мечты** – что темный **лес** дремучий… В нем есть все измененья суток/ И годовой круговорот* (К. Случевский. «Мои мечты – что темный лес дремучи»); *Спи в сказке для детей, в ячейке ночи/ Без имени в **лесу воспоминаний*** (А. Тарковский. «Ночь под первое июня»); ***Лес** – наша плоть, наш род, наш кров, наш корм,/ Он – **страсть и смерть**, как многорукий Шива* (Д. Андреев. «Немереча»); *Я дровосек дремучего **леса мыслей**, извитых лианами книжников* (В. Маяковский. «Мистерия-буфф»). Сходство может быть основано на одном из коннотативных значений слова *лес*: что-то неясное, смутное, непонятное и таящее потенциальную угрозу.

Таким образом, ассоциативное поле слов *лес* и *сад* во многом общее, что вполне понятно — в значениях обоих слов присутствуют общие семы: территория, поросшая деревьями. Понимание языковым сознанием масштабов этих объектов приводит к тому, что у значения слова *лес* имеется, а у слова *сад* отсутствует лексико-семантический в вариант

много. Эта же разница в масштабах определяет разницу в сочетаемости: у слова *сад* отсутствует возможность образовывать сочетания со словами, называющими животное, чудовище, со словами с ментальным значением и со словами, называющими водное пространство. Лес в нашем сознании предстает не только чем-то огромным, цельным, монотонно шумящим, но и потенциально опасным и непонятным. Обращает на себя устойчивость ассоциаций: они наблюдаются в примерах русских авторов на протяжении двух последних веков.

В значении слова *сад* индивидуализирующей является сема труда, целенаправленных усилий, окультуренности, чего нет у слова *лес*. Это семантическая основа варьирования значения слова *сад*. У. Эко выделяет «идеологические (или аксиологические) структуры, такие как: Хорошее – Плохое, Истинное – Ложное, в их числе и Природа – Культура»[6]. Эти элементарные оппозиции он считает возможным увидеть во всех ментальных микроструктурах мира. По нашему мнению, оппозиция концептов «лес» и «сад» находится в пределах универсальной оппозиции Природа — Культура.

The Words „Forest" and „Garden" in the Russian Language Picture of the World

Each language has its own way of perception and surrounding reality representation which is expressed in general national and specific system of views for all its bearers. It leads to different visions of the world by different language bearers and, finally, to the formation of the unique world language picture, namely the picture unique to the only given community. In modern research the usage of the words „the world image" and „picture of the world „ is very urgent and topical.

The words „forest" and „garden" have common meanings in the Russian language picture of the world. There exist three meanings: a territory overgrown with the trees (войти в лес, сад); every living creature (лес, сад проснулся); any image (лес, сад на одкрытке).

So these words have identical combinability as other words.

Different volumes of these objects (forest and garden) contribute to the difference in their meanings. Thus, the word „forest" in the Russian language designates many round vertical objects (лес рук); magic beast (щетина леса), water elements (лесов немеркувшний прибой). The word „forest" can designate some abstract ideas as well (лес воспоминаний).

All this brings the concept „forest" together with the concepts „large number" and „animate nature" . The meanings of the word „garden „ bring this concept together with the concept „animate nature" .

The differences between these two words are attributed to the universal opposition Nature – Culture: the word „forest" realizes the universal notion of Nature, whereas the word „garden" denotes the universal image of culture.

[6] У. Эко, *Роль читателя. Исследования по семантике текста*, Санкт-Петербург–Москва 2005, с. 73.